

2. Является ли Беларусь (такая, какова она сегодня) частью Европы? Может быть, ей только предстоит ею стать? Что следует сделать в этом направлении в Беларуси?

Ольга Абрамова

Смотря по каким критериям оценивать. Если оценивать по географическому, конечно, является. Если вы будете оценивать по стародавней истории и по тому вкладу в европейскую культуру, который внесла Беларусь, то, безусловно, является. Если вы будете рассматривать с точки зрения евробюрократии, то нет, не является. Если вы будете рассматривать с точки зрения доминирующего общественного мнения, которое сформировано в европейских странах, то, безусловно, не является. Я думаю, не всё так трагично, как видят одна сторона, и не всё так прекрасно, как видят другая. Я всегда говорю так (особенно когда общаюсь с западными партнерами): попытайтесь себе представить страну, в которой не всё так хорошо, как пишут государственные газеты, и не всё так плохо, как пишут негосударственные, – и вы получите тот результат, который есть. Это движение – не статика, а динамика, вопреки тому, что говорят о застое!

Попробуйте применить другую систему координат. Я не скажу, что это моя система координат, но она имеет право на существование. Правды не бывает одной. У меня философское образование, и это позволяет мне воспринимать многие вещи более сдержанно, чем воспринимают люди, которые хотели бы получить всё сразу и сейчас, – и в политике, и в экономике. Если перефрази-

ровать реплику известного классического героя, то я скажу так: я согласна взять частями.

Светлана Алексиевич

Это еще не Европа, это деформированное постсоветское пространство с массой различных проблем. Идеи о том, каким должно быть это пространство, европейские идеи сформулированы небольшой частью интеллигенции, но они не прочувствованы до конца народом.

Мы еще очень рассредоточенная нация. Я наполовину украинка. И когда я бываю в украинском селе, то чувствую, что это всё же очень цельная нация, единая. А у нас в восточной части в деревне больше чувствуется Россия, в западной – Польша...

Мы еще даже не начали идти в сторону Европы, мы всё еще топчемся в старом социалистическом времени. Возможно, это не так и плохо, потому что мы не попали в дичайший капитализм, к которому пришла Россия.

Евгений Бабосов

Беларусь и географически, и geopolитически, и в цивилизационном смысле, и в культурном является частью Европы. Кстати, не самая окраина, как некоторые считают. И никакая не «черная дыра», как некоторые говорят. Беларусь – это Беларусь! Это нормальная страна, которая имеет большие традиции, которая имеет свою национальную культуру, которая имеет свои базовые белорусские ценности: толерантность, «добрасумленнасць», «добразычлівасць», «памяркоўнасць», трудолюбие. Это ценности народа, который сохранял свою независимость от всяких нашествий и присоединений к Польше, Литве или России. Вот эти белорусские ценности, традиционные, которые идут со времен Евфросинии Полоцкой и Кирилла Туровского, делают Беларусь Беларусью, кроме того что она географически принадлежит к Европе. Потому что и Евфросиния Полоцкая, и Кирилл Туровский – личности европейского уровня. Я уже не говорю о Великом княжестве Литовском, о том Статуте, который был написан на белорусском

языке. Это то, что цементировало в духовном смысле Европу. И это в варианте Евфросинии Полоцкой, Кирилла Туровского, Литовского статута и Полоцкого княжества – это как раз уровень X–XI веков, когда Беларусь была Беларусью, и была в Европе, и играла совсем не последнюю роль. Я не думаю, что она особенно уступала Германии, которая была сильно раздроблена. Не думаю, что она уступала Франции. Может быть, во Франции была немного другой культура, но в то время все было нормально.

Другое дело, что Беларусь оказалась сначала под властью Польши, потом России, и тут было какое-то пренебрежение к белорусскому языку, белорусской национальной культуре, университетов тут не было, кроме Виленского. В этом смысле Беларусь пострадала. Но не потому, что она не хотела – просто не было социально-экономических условий для того, чтобы Беларусь создавала университет типа Сорбонны или английского Кембриджа. А Франциск Скорина? А Симон Будный? Это же люди европейского уровня!

Значит, Беларусь была, остается и будет Европой! И никуда ей не деться из Европы. И она никуда не должна деваться.

Насчет восточных границ Европы по границе Евросоюза говорят члены Евросоюза. Но дело в том, что Евросоюз имеет тенденцию развиваться. И если Россия вступит в Евросоюз, то и Беларусь рано или поздно туда вступит. Куда ж она денется? Если Украина будет, допустим, и Россия, и Литва, и Латвия, и Эстония, и Польша, куда Беларусь денется? Никуда не денется, она будет частью Евросоюза.

Она обычная европейская страна, не хуже других. Я во многих странах был, в европейских – почти во всех. Беларусь ничем не уступает ни Словении, ни Словакии, ни Чехии... Таким крупным, как Германия или Франция, – может быть. А таким, где примерно 10 миллионов населения, – ничем. Абсолютно! В некоторых отношениях, может, даже лучше! Ей ни в какую Европу лезть не нужно. Она – в Европе! Некоторым европейским странам, типа Венгрии, типа Болгарии, особенно типа Румынии, еще учиться и учиться у нас. Я знаю эти страны в смысле культурном, в смысле цивилизационном, в смысле науки, в смысле обычного повседневного поведения. Сейчас показывают наводнение в Румынии. Как они живут?! У нас так жили 20 лет назад или 15, когда был развал...

Что надо делать Беларуси? Ей надо оставаться самой собой, развивать свои национальные традиции, дать широкое пространство белорусскому языку (больше, чем у нас сейчас есть!), больше – национальной культуре. Таким величинам, как Быков, к которому у нас по-всякому относятся, как тот же Рыгор Бородулин, которого я прекрасно знаю (мы с ним на «ты» давно, учились вместе, на целину ездили). Вот таких людей надо поддерживать и поддерживать всеми силами. И создавать условия, чтобы приток молодых был. Притока молодых вот такого уровня я пока не вижу, к сожалению. Что надо делать Беларуси? Делать так, чтобы талантливые молодые люди не уезжали в Европу – ту, Западную, а оставались здесь и служили своему народу.

Анжелика Борис

В некотором смысле частью Европы являются даже США или, например, Австралия. То есть территории, колонизированные европейцами, принявшими за основу своей идентичности европейскую систему ценностей. Беларусь как сообщество людей, считающих себя потомками жителей, например, Великого княжества Литовского, безусловно является частью Европы. Если же считать, что настоящая история Беларуси началась только после (и благодаря) большевистской революции 1917 года, то принадлежность к Европе выглядит уже сомнительнее. В этом случае Беларусь скорее можно определить как уцелевший обломок эксперимента по созданию общества советских людей. Чтобы не стать, но остаться частью Европы, белорусскому обществу следует вновь осознать, что оно Европу не покидало. То есть отказаться от советской самоидентификации.

Ирина Бугрова

Сложный вопрос. Если понимать Европу, в первую очередь, как самоидентификацию, как понимание «я принадлежу к этой территории», то я не могу сказать, что у белорусов существует четкая европейская идентичность, четкая грань: «я европеец». Вы когда-нибудь слышали, чтобы белорус сказал:

«Я европеец»? Очень редко. А от других народов можно это слышать, они говорят: «Мы европейцы, и потому...» Существуют очень известные исследования «Евробарометра», где жителей разных государств сравнивают, у кого больше уровень идентичности: скажем, итальянцы – большие европейцы, чем французы. Существует четыре шкалы измерения, «Евробарометр» в этом отношении очень хороший специфический инструмент, который может измерить динамику движения людей к большей европейской идентичности, или к новой волне национализма, или к консолидации внутри государства, внутри нации.

Мне кажется, в Беларуси сейчас очень сложный период. Он и начался-то очень сложно... Вообще идентичность белорусов – очень сложный процесс. С 1995 г. она гораздо более противоречива и с очень большими негативными моментами. Т. е. даже на уровне отсутствия идентификации, на уровне идентификационного вакуума. У нас было время, когда люди не могли понять, где они живут: речь шла о союзе России и Беларуси, в прошлом у них был Союз ССР, впереди у них – как бы нет Беларуси, но она всё-таки есть, потому что заставляют подчиняться законам. К тому же развивается европейская составляющая. Наконец, был проект гражданства БНР.

Я помню, был полный *irreal house*, маленький шизо, потому что идентичность была какая-то «звернутая». Поэтому, конечно, была и поляризация, и группы разные, которые пытались консолидироваться по принадлежности именно к этим разделам.

Мне сегодня сложно сказать, насколько Беларусь преодолела эти линии, насколько выровнялся процесс, идет ли консолидация внутри государства на уровне нации (т. е. сначала государственная идентичность, потом национальная). Но этот процесс есть, причем он гораздо более четок. Какие-то линии национальной идентичности определяются.

И вот здесь уже, мы видим, происходит идентификация Беларуси как государства, которое будет определяться: оно больше европейское или про-российское. Гораздо более интересные и более четкие позиции!

В этом плане я могу сказать, что нет сегодня явного явления, которое мы ощущали бы очень сильно. Беларусь, безусловно, к Европе принадлежит. Но в том виде, в каком она сейчас есть, ее принадлежность получается, как говорил

Эриксон, противоречивой. Это как дуэль. Мы принадлежим к Европе, но мы там не сидим. Мы хотим быть европейцами, но нас непускают. Какие-то наши права или готовность взять на себя ответственность за то, что есть... Поэтому я, скорее всего, разделила бы население Беларуси на какие-то группы, которые более готовы воспринимать себя европейцами, и группы, которые не то чтобы тяготели к союзу России с Беларусью, а просто не готовы. Для них не важна эта идентичность, для них важна другая идентичность. Для них не приоритетна национальная идентичность или европейская. Эти люди довольствуются тем, что они, скажем, могилевские, или витебские, или даже полоцкие. Это земляческие варианты локальной идентичности. Я исследовала большой массив материалов на эту тему: у людей локальная идентичность была и остается весомым элементом.

В современной локальной идентичности мы очень часто видим экономический элемент – региональный, продвинутый, глобалистский. У белорусов глобалистский элемент пока только-только появляется. Они остаются патриархальными, с патриархальными истоками, корнями, прежней принадлежностью. Плохо это или хорошо? Я никогда не ставлю ни плюсов, ни минусов. Я просто говорю, что это естественный процесс. Для меня Беларусь как страна сегодня не готова нормально и гармонично войти в глобальный мир. В ней существует локальная идентичность, которую можно характеризовать как региональную.

Принадлежим мы Европе или нет? Думаю, да. Но всё это белорусский человек ощущает не через государственную политику, а через обыденную жизнь. Вот такая ситуация!

Генадзь Буравкин

Безусловно, является. Иное дело, если мы говорим о неких глубинных, глубоких процессах – если говорим о политической, экономической и культурной реальности здесь. К сожалению, совпадения нет. Но то, что это часть Европы или, скажем так, желание быть частью Европы, ощущение себя частью Европы в наиболее просвещённой и наиболее демократической среде, – для меня бесспорно. Если на то пошло, какое в Беларуси наибольшее знание культуры

и политической истории? Американское? Нет. Азиатское? Нет. Европейское знание! Мы больше всего знаем то, что связано с Францией, Италией, я уже не говорю о близких к нам России, Польше. И нас, если уж говорить, хоть и недостаточно (это большая наша беда, может быть, одна из самых серьёзных), но нас знают в мире. Но если нас сегодня где-то хоть немного знают, то прежде всего в Европе. Поверьте мне, даже из моего небольшого дипломатического опыта, это так. Европа больше всего знает. И если брать в глубинном отношении то, что происходит с нами сегодня, всё-таки в Европе мы чаще находим понимание этих процессов. Хотя политически Америка иногда кажется более готовой поддерживать стремления наших демократических кругов, чем некоторые европейские страны, европейские государства. Но я считаю, что и сегодня чувство единства с Европой (может быть, пока ещё скрытое в глубине где-то, не поддержанное пока официальными структурами, чиновниками) ощущается. Поэтому, видимо, и наши демократические круги, демократические организации и демократические политические партии открыто ориентированы на Европу.

Я бы не сказал, что Европа заканчивается на границе Евросоюза. Евросоюз – это структура. Политическая, межгосударственная структура. А когда я говорю о Европе, для меня Европа – прежде всего цивилизационное единство. И в этом единстве, довольно широком (и это счастье, что оно широкое, не узенько, поскольку это означает и больший потенциал, большие возможности), внутри могут быть разные процессы. Вспомним историю европейскую. То Рим выходил на первое место, то Франция, то очень серьёзно заявила о себе русская культура. Поэтому внутри этого пространства могут быть какие-то изменения. Наша Беларусь, к сожалению, может быть, не самая заметная на этом пространстве – она может то удаляться, то приближаться, то (не дай Бог!) совсем на периферии оказываться.

Алесь Бяляцкій

Безусловно! Я абсолютно в этом уверен: со всеми зигзагами и постсоветским стёбом (иначе эту белорусскую власть трудно назвать. У нас происходит определённый постсоветский политический стёб), я считаю, мы на сегодняшний

день является абсолютно органической частью этого культурно-исторического пространства. У нас есть какие-то отставания, какие-то выходы вперёд. Как это ни странно звучит, но они были: и в юридической мысли, и в мысли культурной (переводческой – Библия Скорины)... Я уж не буду говорить о роли в геополитических процессах, которую играло Великое княжество Литовское, – это всё было. Но я уверен, что это всё ещё будет впереди. На самом деле оно есть и сегодня, просто с ходу трудно определить... Я не думал над этим: не моя задача – сидеть искать, что есть в Беларуси самое лучшее. Может быть, у нас самая лучшая водка на сегодняшний день, какой больше нигде нет в Европе, – я не знаю. Это не является задачей культурологов – сидеть и думать, чем мы можем похвальиться на сегодняшний день.

Несмотря на определённые отклонения в историческом процессе, как бы то ни было, этот кусок территории всегда был в европейском контексте. И это самое удивительное! Даже во времена коммунизма, брежневизма и т. д. всё равно основная база, основная «матрица», по которой развивался народ и развивалась ситуация на этих землях, не сильно отстали от общеевропейского сообщества. На сегодняшний день достаточно изменить общественно-политическую ситуацию в Беларуси, и я уверен, что по экономическим формальным параметрам через 15 лет мы будем соответствовать всем европейским стандартам. По ментальным аспектам, по привычкам, по уровню массовой культуры мы, может быть, немножко позже нагоним: нужно, чтобы прошло два поколения. Но для истории народа, для истории нации, для того, откуда мы берём своё начало, это – ничто, капля в море.

Данные различия настолько малы, и транспарентность, существующая на сегодняшний день, настолько сама по себе мощна, так много «капилляров», которые «пробиваются» границу между Брестом и Европейским Союзом, Гродно и Европейским Союзом, что нет никаких шансов построить здесь нечто такое, что пошло бы по какому-то другому пути по сравнению с тем, по которому сейчас идёт Европа.

Насчёт географического понятия Европы, от которого следовало бы отталкиваться. У нас нет такой проблемы, как у стран, которые формально относятся к Европе – имею в виду Азербайджан, Грузию, Армению, – но у которых

ментальных проблем значительно больше. В первую очередь это касается Азербайджана, который является мусульманской страной на 90%. Фактически они относятся к европейской части цивилизации географически, но реально настолько сильно влияние итурецко-иранского «подбрюшья» (и более далёких стран – Ирака, Сирии), что этот процесс на сегодняшний день у них не решён. У них ещё ближайшим одному-двум-трём поколениям надо будет определяться, каким путём идти. Для нас такого вопроса нет. Что мы можем? Даже несмотря на самые невероятные представления и гипотезы об уничтожении белорусской независимости, об инкорпорации Беларуси в Россию и т. д., – у этих проектов исторически, по логике развития событий, просто нет никаких шансов, чтобы они осуществились и дали какие-нибудь плоды. Поэтому у нас ситуация в этом плане, я бы сказал, очень «льготная» и комфортная по сравнению с теми странами, которые будет ещё довольно длительное время трясти.

И по сравнению с Россией, в конце концов. У нас состоялась беседа с известным российским правозащитником Сергеем Ковалёвым, который наполовину белорус. Отец его родом с Рогачёвщины, но сам Ковалёв уже воспитан в русской культуре. Однако есть у него определённые черты белорусской ментальности. Он говорил так: «Я абсолютно чётко понимаю ситуацию, складывающуюся на сегодняшний день в России. (Он имел в виду ситуацию культурную и ситуацию европейской ориентации – как они любят делить на «западников» и «славянофилов». – А. Б.) И то, чем я занимаюсь, сбудется – через сто лет. Я абсолютно уверен в этом уверен». Так сказал Сергей Адамович Ковалёв.

Если перефразировать его слова, то цели, ради которых мы работаем, будут достигнуты не через сто, а через двадцать лет. Ну, чтобы уже окончательно это процесс «возвращения блудного сына» в европейское сообщество завершился – пусть сорок лет. Это и есть тот срок, через который мы сумеем, думаю, всё поставить на свои места.

Александр Вайтович

Европа, с одной стороны, географическое понятие. С другой же, несомненно, сегодня она воспринимается как общность, основанная на единстве ценностей. И в значительной степени это обусловлено тем, что сейчас большинство стран Европы объединено в Европейский Союз. Это политический и экономический союз, в его фундаменте лежат общие цивилизационные ценности.

К сожалению, в нынешний период своей истории Беларусь только географически является частью Европы. Существующая власть изолирует её от общего цивилизационного развития. И делается это с целью удовлетворить непреодолимую тягу диктатора к пожизненному руководству страной. Такая политика властей очень опасна и вредна для Беларуси. Она отрицательно влияет на наше экономическое развитие, скрывает в себе угрозу нестабильности, катастрофы и обвала. Исторических примеров-аналогий много: Советский Союз, Китай в период «культурной революции» и другие.

Андрей Вардамацкий

Пока что о Беларуси как о части Европы можно говорить только в чисто географическом смысле. Но вместе с тем можно утверждать, что европейский потенциал Республики Беларусь выше, чем у какой-либо из стран-соседей – бывших республик СССР. Он больше, чем у Украины, в известном смысле, может быть, выше, чем у балтийских стран. Я имею в виду инфраструктуру, компактность и вытекающую отсюда управляемость страны, я имею в виду уровень образованности, квалифицированности и того, что называется *skills* населения. Население Республики Беларусь – одно из самых образованных, я бы сказал, самое образованное на территории бывшего Советского Союза после Москвы и Ленинграда (если понимать их как территориально–административные единицы). И этому есть объективные причины, которые заключаются в том, что Беларусь была завершающим звеном, сборочным цехом всесоюзного конвейера. А именно эти производства предполагают наибольший уровень квалифицированности производительных сил, человеческого ресурса.

Возможные реформы в Республике Беларусь произойдут очень быстро, потому что страна, как я отмечал, компактная, управляемая. По сравнению с Украиной, в Беларуси существует одна страна, а не две ментальные «страны», как там. В этом смысле можно говорить об очень высоком европейском потенциале Беларуси.

Толерантность, которую я назвал как одну из базовых европейских ценностей, является и одной из базовых ценностей национального белорусского характера. Другое дело, что сейчас эта толерантность национального характера белорусов пребывает в состоянии некоего своего инобытия, которое можно охарактеризовать словом «конформизм». Вот такое проявление: толерантность не как терпимость, открытость к другим мировоззрениям, другим ценностным структурам, ориентациям по политическим направлениям, а толерантность как конформизм.

Винцук Вячорка

Бессспорно, Беларусь была, есть и будет Европой в обоих упомянутых смыслах. Так же, как Европой являются Грузия, Мальта, Португалия, Черногория и даже Албания (умышленно называю тех, кто на географической границе). Поэтому «в этом направлении» надо решительно прекратить деевропеизацию Беларуси, которой системно занимается нынешняя власть.

Павел Данейко

Конечно, я рассматриваю данный вопрос с цивилизационных позиций. В Беларуси есть все названные мной характеристики. Это христианская страна, строящая свое поведение на основе рационализма и склонная к диалогу.

Когда-то «Европа» заканчивалась на границе Германии и Польши. Польша тоже не была «Европой»: не входила в Евросоюз. Я думаю, этот вопрос был рожден границами, по которым себя определяло Российское государство. Мне кажется достаточно очевидным, что европейское сознание сильно расширилось: изменение ситуации с российскими границами заставляет по-другому смотреть

на границы Европы. Я бы так сказал, наверное: для европейцев граница России – это и есть окончание Европы. Насколько я понимаю, сейчас эта точка зрения принимается Европой. Идея общей Европы всё же достаточно сильна. И идет поиск, где же эта общая Европа заканчивается.

Андрей Дынько

Современная Беларусь однозначно является частью Европы, хотя и очень-очень бедной. С одной стороны, бедной, а с другой – сильно поражённой советскостью, которая поставила под сомнение основополагающие ценности Европы. Но белорусы остаются европейцами ментально.

Светлана Калинкина

Нынешняя Беларусь географически, понятное дело, – часть Европы. Сейчас мы можем говорить лишь о географии, когда утверждаем, что Беларусь – европейская страна.

Если рассматривать проблему в цивилизационном ракурсе, то понятно, что мы сейчас наблюдаем какое-то азиатское руководство и существование общества у себя. И в этом смысле говорить о «европейской Беларуси» очень трудно. Но я думаю, это просто историческое недоразумение и с течением времени (через десять, пять или пятьдесят лет) всё станет на свои места. Мне кажется, что и наши люди (даже те, кто сегодня кричит о том, что нужен Союз и восстановление бывшего Советского Союза) всё-таки мыслят себя представителями Европы.

Чтобы стать нормальной европейской страной, Беларусь на самом деле не хватает многоного. И в первую очередь – в руководстве. Потому что, как и в любой стране, в Беларуси элита – это максимум 10% населения, а все остальные – это собственно население. А сейчас мы наблюдаем, что элита белорусская, руководство Беларуси – совсем не европейские. И вообще, эта прослойка, элита общества, в отличие от развитых европейских стран, у нас очень-очень мала.

Сергей Калякин

И да и нет. Мы и являемся частью Европы и не являемся, выпадаем из общего контекста – на мой взгляд, не только европейского, но и мирового.

Географически мы, безусловно, находимся в самом сердце Европы – это никем не оспаривается. А вот с точки зрения цивилизационного развития, с точки зрения того, что сегодня делается в нашей стране, – вне Европы, безусловно. Кроме того, мы всё более быстрыми темпами изолируемся от внешнего мира, и в том числе – от Европы.

Для того чтобы приблизиться к Европе, как это тривиально ни звучало бы, мы должны провести политические реформы в собственной стране. Мы должны сделать нашу страну соответствующей тем стандартам, которые сегодня существуют в организации общественной и политической жизни, тем обязательствам, которые взяла на себя Республика Беларусь в европейском сообществе (в частности при вступлении в ОБСЕ). Мы должны были бы принять на себя обязательства и выполнять их в рамках Совета Европы. Парадокс: Беларусь – единственная страна Европы, не входящая на сегодняшний день в Совет Европы! Все остальные европейские страны, включая и Россию, которая является страной евро-азиатской, находятся в Совете Европы. Мы единственная страна, которая неходит туда, потому что мы не соответствуем стандартам, существующим сегодня в объединенной Европе.

Кася Камоцкая

Безусловно, сегодняшняя Беларусь – часть Европы. Я не говорю о Евросоюзе, но культурно – безусловно, является. И за годы советской власти и лукашенковского режима не может измениться ментальность людей, которая была у этого народа на протяжении всей его истории. Всегда Беларусь была частью Европы, даже в мрачные времена царизма или Советского Союза – это чувствовалось всегда.

Достаточно посмотреть на быт, на деревни – белорусские, русские и польские. Сравнить, к чему ближе белорусская деревня. Конечно, к польской

ближе, чем к русской! По всему: по быту, по архитектуре, по обустройству самого участка... Например, в России сажать цветы перед домом считается дебилизмом. Там люди недоумевают: «Зачем это?»

Сергей Костян

Беларуси не надо никуда входить, так как она всегда была европейским государством, есть и будет. И если говорить о Западной Европе, то надо помнить, что в XVI веке Беларусь, которая находилась в составе Великого княжества Литовского, имела свой Статут. А Британия (или, как её теперь называют, Соединённое Королевство) и до настоящего времени не имеет своей Конституции. Все остальные страны Западной Европы получили свои Конституции в конце XIX – начале XX веков. Поэтому нам нечему учиться у Западной Европы в этом смысле. Особенно в плане демократии и в плане политики. Если нам и есть чему поучиться, так это достижениям новейших технологий.

Поэтому Беларуси не надо никуда входить, а надо жить так, как она живёт. Единственное, что надо делать – ещё раз показать, и экономически, и политически, что мы страна, которая может разговаривать на равных с любой европейской страной. Поскольку и наша история, и нынешняя образованность наших граждан дают нам полное право сказать, что мы по многим позициям на целую голову выше всяких европейцев.

Вячеслав Кебич

Я давно говорил и еще раз повторяю, что Беларусь давно является единой и неделимой частью Европы. Конечно, с точки зрения политической, это еще не Европа, и надо действительно в нее войти.

То, что Европа кончается на границе Евросоюза – это их понятия. Представим себе, что мы уже в Евросоюзе. Тогда что ж, мы до сих пор не были Европой, а как только вступили в организацию, сразу стали Европой? Чепуха это! Это вовсе неправильное толкование понятия Европы. Когда мы говорим «Север-

ная Америка», автоматически понимаем, что это Соединенные Штаты Америки и Канада, хотя это два разных, совершенно самостоятельных государства. Если мы говорим «Южная Америка», или «Латинская Америка», то там же разные политические взгляды и прочее, но мы это понимаем как материк.

Сегодня появилось настолько много государств, что говорить о том, что это какая-то цивилизационная общность, я бы не решился. Давайте вспомним историю. Когда мы в Беларуси еще жили племенами и у нас не было религии как таковой, тогда уже были другие цивилизованные страны. В том числе к этим цивилизованным странам тогда уже относился Китай. Меняется время, меняются годы – меняется и понятие о цивилизации. Цивилизация – это очень обширный исторический период. Поэтому я бы сказал, что Европа – прежде всего территориальное объединение.

Анатолий Лебедько

Географически – да! И, конечно, есть часть людей – носителей европейских ценностей. Если бы этого не было, у нас не было бы перспективы. Если мы сегодня возьмём, например, Россию, там бессмысленно ставить вопрос о европейских ценностях: есть попытки привить, но они там не приживаются. Российское «древо» отторгает эти прививки.

А в Беларуси – есть такая перспектива! И есть значительная часть общества, являющаяся носителем европейских ценностей. Если рассматривать социологические данные, у нас есть склонность к Европе. Позитивное отношение – сколько бы ни говорила пропаганда о приватизации, или рыночных отношениях, или демократии – у нас всё жеочно (я думаю, что даже на генном уровне) и потому, что мы близко от Европы, и потому, что у нас есть определённая история.

Василий Леонов

Беларусь – это лишь географическая часть Европы. Она должна быть и будет частью единой европейской общности (политической, культурной

и экономической). Для этого нам, белорусам, надо делать Беларусь европейской страной. Всем политическим партиям, общественным объединениям, всем гражданам Беларуси нужно определиться, договориться, какой должна быть Беларусь сегодня, завтра. Это очень сложный вопрос. Наша страна расположена на границе двух geopolитических сил, двух цивилизаций. Этот «разлом» из географического перешел в ментальный. Очень многие мыслят у нас категориями «в Россию», «в Европу». Прежде всего Беларусь должна стать сама собой. При этом мы обязаны учитывать интересы как Востока, так и Запада. Прошедший выборный фарс (выбора в Беларуси не было) наглядно подтвердил наличие неразрешаемых противоречий во взглядах на будущее нашей страны у Запада и России. Лукашенко умело играет на этих противоречиях.

Европа – это сообщество, основанное на единых ценностях, которые выработаны и осуществляются на практике, к которым пришла Европа после многочисленных, многовековых кровавых конфликтов, резни и раздоров. Там научились договариваться.

Жанна Литвина

Беларусь на сегодняшний день, мне кажется, очутилась в каком-то промежуточном времени абсурда, в ситуации раздвоенности общественного сознания. С одной стороны, белорусу сегодня очень бы хотелось быть потребителем тех благ, которые накопило европейское общество. А с другой – видимо, наличие эффекта принудительной советизации делает нас поклонниками российского образа жизни. Нас ещё ностальгически тянет в те, советские времена – это для меня совершенно непонятно. Может быть, причины и корни этого стремления сравнивать свою жизнь и восхищаться советскими временами продиктованы в первую очередь тем, что люди не знают, как можно жить иначе. Сегодняшняя власть, сегодняшний режим не дал человеку этой духовной раскрепощённости и возможности мечтать и стремиться не назад, не к советской системе, а искать раскрепощённости своего духа и искать духовные ценности, духовную опору.

Белорусы теперь ездят за границу, но возвращаются – и оказываются вновь в когтях пропаганды. Наши люди (и это последствия принудительного внедрения государственной идеологии) попросту неискренни. Есть ряд фактов, которые свидетельствуют: люди могут говорить одно (читать лекции по государственной идеологии), а параллельно у них существует своё мировоззрение. Это где-то глубоко закопано и может выходить на свет, проявляться, например, в том факте, что только за прошлый год Беларусь покинули 64 тысячи белорусов. Кстати, это официальная статистика, которую выдал телеканал ОНТ в конце марта. 64 тысячи людей, несмотря на формирование стереотипов, что мы на Западе никому не нужны и нас там никто не ждёт, всё равно свою жизнь и завтрашний день связывают с Западом и ищут свою судьбу вне пределов Беларуси.

Олег Манаев

В культурном смысле Беларусь является частью Европы пока только частично. Начиная с XII века (не будем углубляться в более древние времена), т. е. с Полоцкого княжества, а потом и ВКЛ, эта территория в определенном отношении – религиозном, правовом, политическом, экономическом и пр. – уже входила в европейское культурное пространство. Но, в то же время, она принадлежала и другому, евразийскому миру. Это геополитическое и культурное «раздвоение» длилось столетиями, но особенно усилилось за последних три века, когда Беларусь фактически была частью Речи Посполитой, а затем Российской империи и Советского Союза. Сегодня мы имеем то же: на самом деле Беларусь является двусоставным культурным образованием. В ней есть немало людей, разделяющих европейские ценности. И с этих позиций наша страна принадлежит к европейскому культурному пространству. Но есть и другая Беларусь. И разница между ними, с точки зрения ценностей, огромная.

НИСЭПИ уже 10 лет назад публиковал данные, доказывающие, что условно белорусское общество состоит из трех частей. Одна часть – проевропейская, не в полном, конечно, смысле, но разделяющая многие ценности, о которых говорилось. Это примерно треть населения (напомню, что в Беларуси живет около 10 миллионов человек, и когда я говорю «треть» – это значит около

3 миллионов). Если бы этих белорусов сегодня каким-то волшебным образом перенести в Европу, думаю, они вписались бы в европейскую политику, экономику, менеджмент, образ жизни...

Вторая часть – также примерно треть общества – не понимает и не признает эту систему ценностей. Это так называемая «советская Беларусь». И есть еще одна треть. Она в некотором отношении, например экономическом, ориентирована на европейскую систему ценностей, а в другом, например правовом, – на евразийскую. Так что в этом смысле можно сказать, что Беларусь как была двусоставным культурным образованием, содержащим разные системы ценностей, так и осталась.

Что стоит делать в этом направлении? Я не политтехнолог и, тем более, не политик и давать рекомендации, как организовать общественно-политический процесс соответствующим образом, не собираюсь. Каждый должен заниматься своим делом. Для нашей команды, т. е. бывшего НИСЭПИ, и меня лично задача состоит в том, чтобы укреплять позиции «евробелорусов», способствовать тому, чтобы на эти позиции переходили и «колеблющиеся», чтобы «советские белорусы» спокойно жили, не чувствовали себя ущемленными, но и не тормозили развитие страны. По опыту могу сказать, что сделать из них «евробелорусов» – задача практически невыполнимая. Но это не так важно, если «евробелорусов» будет большинство, то реальное вхождение нашей страны в Европу как в культурное пространство станет вопросом техники – политической, экономической, правовой, информационной и пр.

Александр Милинкевич

Безусловно, Беларусь в сегодняшнем виде выпадает из контекста Европы. Сегодня мы – европейская аномалия. То, с чем трудно иметь дело. Настоящая диктатура в Европе. Но я не придавал бы большого значения такому состоянию Беларуси, не считал бы, что это большая проблема. Ведь в контексте времени проблемы Беларуси – просто небольшая болезнь, словно температура поднялась. Беларусь никуда не денется с карты Европы. Беларусь в Европе – это традиция, это история. Иностранные часто спрашивают: а у вашей Беларуси

есть азиатский уклон или она склонна скорее к европейским тенденциям? Я тогда рассказываю о Магдебургском праве, которое в Беларуси было больше распространено, чем в Германии, – через нас все стили искусства прошли, а, например, в Россию только барокко попало. Напоминаю, что это белорусы на белорусской земле и по-белорусски создали образец первой в Европе Конституции. Как бы то ни было, а белорусы – европейская нация, это вытекает прежде всего из ментальных и культурных особенностей. Мы мост между Востоком и Западом, но всё-таки с европейской традицией.

Анатолий Михайлов

В географическом плане, разумеется, да. Но не думаю, что в этом заключается содержание вопроса. Приходится с грустью констатировать, что на сегодняшний день мы, скорее, преуспеваем в нашей неспособности интегрироваться в Европу, чем идентифицировать себя с ней. Страна, которая вроде бы в силу своего геополитического положения, находясь на перекрестке путей и встречи различных культурных традиций, могла быть местом диалога и продуктивным мостом взаимодействия, оказалась в состоянии конфронтации с Европой и остальным цивилизованным миром. Абсурдность этого положения дел очевидна. Оно является результатом нашей предшествующей длительной изоляции и доминирования идеологии противостояния и противодействия тому, о чём мы по-прежнему знаем очень мало. Однако расплачиваться за эти наши просчеты придется и нам, и нашим потомкам, причем крайне высокой ценой.

Алесь Михалевич

Я думаю, что сегодня Беларусь одной ногой в Европе, а другой – где-то вне Европы. Потому что для меня европейской страной может считаться только та, где граждане сами берут на себя ответственность за свою судьбу. То бишь это цивилизация, возникшая через активное участие граждан в принятии решений. Пока что в Беларуси таких граждан, возможно, процентов 30. На мой взгляд, вот на этот процент мы «в Европе». И это очень хороший процент: от этих 30% не-

далеко до большинства. Как только нас будет большинство, мы сможем уверенно сказать, что являемся полноправной частью Европы.

Нам надо сегодня воспитывать таких людей, которые не будут бояться брать на себя ответственность за своё будущее.

Татьяна Протько

Географически мы – центр Европы. Беларусь – это не только территория, но и люди, и государство. Каждая из упомянутых частей должна принять лучший вид, чтобы стать частью Европы. У гражданского общества есть одни возможности воздействия на людей, у государства – другие. И если гражданское общество (такие люди, как я, например) чувствует себя частью именно европейской цивилизации, нам понятно, что мы должны в обществе распространять прежде всего систему ценностей, касающихся этой цивилизации.

Но многие из белорусских людей, к сожалению, не приняли тех ценностей, которые были выработаны и которые дали такой высокий европейский культурный и технологический уровень. Мы не приняли ценности «демократия», мы не приняли ценности «законность», мы не приняли ценности «права человека». Последнее понятие у нас вообще очень ограниченно: дальше «чарки и шкварки», к сожалению, не идёт – даже у руководства страны. Социально-экономические права являются главными, а «человеком зваться», иметь свободу – второстепенное.

У государства возможностей намного больше, чем у гражданского общества. Наше государство публично приняло европейскую систему ценностей, а на деле сейчас лавирует между восточным, так называемым «славянским», сообществом (с немного иной системой ценностей) и западноевропейским. Складывается впечатление, что та элита, которая сейчас у власти, западноевропейского выбора ещё не сделала. Поэтому мы сегодня сидим на двух стульях. С одной стороны, мы говорим: мы в центре Европы, и мы сторонники европейских ценностей. С другой – мы от них в настоящей жизни отходим.

И уже возникает новое понятие – «Евразия». Будто бы новое сообщество, где находят место и западноевропейские ценности, и какие-то другие, восточные,

«славянские» ценности. Но тогда мы должны знать, что Беларусь никогда не будет с городами-музеями, никогда у нас не будет европейского порядка. Это будет другое государство с другими возможностями.

Андрей Санников

Географически – бесспорно, Беларусь является частью Европы. Там сохранилась преемственность даже в образе жизни. Конечно, сегодня мы можем говорить об объединённой Европе, где каждая страна и регион нашли своё место. И чтобы мы вернулись в Европу (я хотел бы говорить именно о возвращении в Европу), мы должны пройти прежде всего путь демократизации, как ни банально это звучит. Только это, я уверен, даст нам шанс построить страну, которая будет считаться частью Европы. Без демократических политических институтов (и наша сегодняшняя ситуация – яркий пример этого) невозможно развитие почти ничего: ни экономики, ни культуры, ни исторической науки...

Европа – понятие цивилизационное. Я говорю «объединённая Европа», потому что это уже жизненный факт. Это не механическое объединение государств, стран. Это форма, закрепляющая принадлежность к цивилизации в данный исторический период.

Владимир Улахович

В любом случае Беларусь – это часть Европы. Европы очень разной, многослойной, противоречивой, стесненной временем исторических опасений и обид, современных фобий. Европы нелегко формирующейся в новом качестве лишь в последние десятилетия.

Беларусь неизменно является частью Европы. К сожалению, существует много европейских политиков и экспертов, которым это надо доказывать. Абсолютно не нужное занятие. Если кто-то считает, что Европа заканчивается на Ланд-Штрассе в Вене, Одере или Буге, либо Европа – понятие исключительно ментальное, то к этому стоит относиться как к узости и ограниченности личных интерпретаций.

Валерий Фролов

На мой взгляд, как раз на границе Беларуси, России проходит такой цивилизационный разлом, который связан с ментальностью в России, Беларуси и той, другой части Европы, у которой ментальность совершенно иная. А географически мы вроде в центре Европы. Но до тех принципов, которыми руководствуются европейские страны, мне кажется, нам еще очень далеко.

Нас нельзя, конечно, сравнивать с азиатскими странами, где мусульманство и прочее. В Азии – свои традиции, взгляды, даже религия, достаточно резко отличающиеся от европейских подходов. Мы всё-таки европейские люди, элемент европеизации в нас присутствует. Я думаю, мы способны пройти этот этап и «достать» по всем позициям Европу. Пока что мы где-то посреди, между Европой и Азией.

Станислав Шушкевич

Нет жёстких требований относительно того, что такое «европейскость» и что такое «не совсем европейскость». В основном Беларусь принадлежит к Европе, является европейской структурой. А то, что временно у нас, пару столетий, тут строй нечеловеческий (всё время не устраивается, хотя попытки устроить были), – это не означает, что Беларусь отдалась от Европы. Я считаю, что Беларусь и люди Беларуси являются европейцами.

Я вам скажу, даже там, где не оспаривается, что это Европа: в Португалии, Греции, определённых местностях в Италии, – там тоже сильные отличия от того, что мы привыкли видеть в классической литературе – французской, немецкой. Так что Беларусь принадлежит к Европе и белорусы являются европейцами. Это для меня однозначно.

Всеволод Янчевский

Мы опять запутаемся в терминах. Формальный ответ на первый вопрос прост.

Если мы говорим о Европе как о странах, выросших из католическо-протестантской цивилизации, то, безусловно, нет. Если же мы понимаем Европу шире и включаем в нее византийско-православную традицию, то, безусловно, да.

Конечно, Беларусь – это часть мира, выросшего из большой христианской цивилизации.

Но мы еще и часть большого евразийского пространства – того, что было в свое время Российской империей. И, главное, мы часть большого постсоветского мира. Мы – один из обломков гигантской советской империи, которая сама по себе была целой цивилизацией (кстати, довольно уникальной для человеческой истории).

Советское влияние оказалось для нас наиболее существенным. Советский строй перепахал всё и вся – и у нас, и на Украине (не считая западных областей), и в России. Более того, советское влияние было столь мощно и кардинально, что оно безвозвратно разорвало связь с любыми предыдущими традициями.

Об этом можно сокрушаться или этому можно радоваться, но факт остается фактом. Белорусская история – это прежде всего и более всего советская история.

В какой-то мере правы те политики на Западе, кто считает, что Европа за канчивается на восточной границе Евросоюза. Это, возможно, обидно кому-то в Москве и Киеве, но чересчур широкая трактовка понятия Европы неверна. А если такая трактовка обретает конкретные политические контуры, то она еще и губительна.

Беларусь, Украина, Россия – это иной мир.

Всё это опять-таки проявляется в языке. Мы, например, по тому или иному поводу часто говорим: «В Европе делается так, а у нас вот так». То есть, еще раз повторю, мы подсознательно противопоставляем «наше» и «европейское».

Ничего плохого в этом нет. Наоборот, именно попытки изобразить из себя то, чем ты не являешься, всегда комичны. Тот, кто пытается во что бы то ни стало доказать свою «европейскость», на самом деле демонстрирует провинциальность и комплексы.

Попытки же самой Европы «затянуть» к себе явно неевропейские элементы добром не кончатся.

Например, все разговоры о включении Турции в Евросоюз мне кажутся очень странными. Для Европы они губительны. Если это будет иметь практические последствия, то будет очень плохо. Сама идея «европейскости» обесценится.

Есть и другое измерение этого вопроса. Те, кто излишне горячо стремится «в Европу», почему-то совершенно игнорируют одно печальное обстоятельство. К сожалению, Европа постепенно перестает быть Европой. И чем дальше, тем отчетливее это проявляется. Европа теряет себя, становится все более секулярной, атеистической, потребительской. Она уже почти до основания разрушила свой культурно-исторический фундамент – христианство.

Возможно, этот процесс естественный. Но Европе от этого не легче. Он идет – и Европа теряет культурно-исторические корни. Европейская традиция (в самом широком смысле) мощно прессуется современным техногенным миром. Всё историческое, все устойчивое, все традиционное, все, что делает Европу Европой – все это уносится вихрем глобализации.

Но после гибели европейской культуры придет черед и самих европейцев. Новое «великое переселение народов» приносит сильнейший элемент мусульманской культуры. Но когда большинство в Европе окажется мусульманским, то воспримет ли это новое большинство европейские ценности? Поймут ли они их так, как понимают европейцы? Сохранят ли они европейский образ жизни, европейское миропонимание и т. д.?

Это всё большие вопросы, и категорического ответа на них нет.

При всем том Европа не мобилизуется – она отступает. И наступление новой культуры, нового агрессивного менталитета (условно назовем его исламским) – всё это не подстегивает европейцев к мобилизации, а наоборот – приводит к постоянному соглашательству, к уступкам, к абсурдистскому пониманию прав человека.

Замечательное достижение европейской цивилизации – концепция прав человека – начинает превращаться в посмешище и вызывать недоверие к самой себе. Наркотики? Пожалуйста! Сексуальные извращения? Пожалуйста! Разрушение семьи? Пожалуйста! Глумление над христианскими ценностями во имя ложно понятой свободы слова или коммерческого успеха? Пожалуйста!..

Любую идею можно довести до абсурда, и в частности такую замечательную, как идея терпимости. В Европе именно это и происходит.

Европа очень слаба, Европа безвольна. Европейцы напоминают умирающие, стареющие нации. Они не способны сопротивляться внешнему влиянию.

Давайте вспомним. Уже после Второй мировой Европа отдала себя на милость победителям. Одна часть ушла «под СССР», другая – «под США».

Кстати, без американской мощи Италия и Франция стали бы коммунистическими. В истории нет сослагательного наклонения, но тем не менее!.. Представляете, континентальная Европа была бы советской!

У Европы после окончания Второй мировой войны уже не было собственных европейских сил. Была сила американская. И отгородившись американской силой, под американским «зонтиком», европейцы жили и развивались. Да, был де Гольль, самостоятельная политика Франции и прочее. Но всё равно они шли в основном в русле американской политики.

В Европе очень слабая политическая воля. Европа богата, она может составлять достойную конкуренцию США... Но не хочет! Потому что менталитет европейцев – это менталитет уходящих, стареющих наций.

Еще один момент упускают из виду сторонники европеизма. Абсолютно некорректно ставить знак равенства между европейством и идеями либеральной демократии.

На самом деле у Европы исторически очень непростые отношения с демократией.

Европа родила самую чудовищную деспотию – нацистскую. Европейские диктатуры – германская и итальянская – были разрушены ТОЛЬКО силой оружия. Демократия в Германии была водворена силой, т. е. против воли народа. А между тем немцы – это центральная европейская нация.

Франция два века металась между деспотией и демократией, проходя через череду кровавых и ПО-АЗИАТСКИ жестоких революций... И ее обильно политый кровью «путь к демократии» кое-как завершился только во второй половине XX века.

Испания, Греция освободились от диктатур буквально лет 30 назад.

Либеральная демократия – это в основном англо-саксонское изобретение. Может быть, объяснение этому кроется в морском характере народов. Исторически первые демократии – это всегда творения морских народов. Греки – мореплаватели, первый европейский парламент образовался в Исландии – стране, освоенной викингами... Первые европейские демократии (Голландия, Англия) создали нации, могущество которых основывалось на флоте... И, наконец, США – государство, созданное изгнанниками и эмигрантами, отправившимися за океан в поисках лучшей жизни.

Мореплаватель, путешественник, колонист, изгнаник – это прежде всего индивидуалист. Это сильный человек. Человек, связанный с морем, рассчитывает только на себя. Море – чужая для человека стихия. Здесь всё против него – и своевольный ветер, и соленая, непригодная для питья вода, и неустойчивая палуба, и палящее солнце. В море не на кого рассчитывать.

Менталитет моряков, путешественников, первопроходцев – это менталитет индивидуалистов. Менталитет морских наций – это менталитет демократий. Потому что демократия начинается с индивидуалиста, с человека, который надеется только на себя. В США демократию создали индивидуалисты. Туда приезжали отчаянные и сильные люди – наиболее активная часть, которая отрубалась от каждой европейской нации: наиболее активные англичане, наиболее активные голландцы, наиболее активные немцы, наиболее активные ирландцы... Те, кто не пригодился у себя на родине. Те, кто вступил в конфликт с властью. Те, кто не желал смиряться с судьбой. Эти люди верили только в себя, надеялись только на себя и работали только на себя. Такие люди, сильные, жесткие, – только они создают демократию.

Демократия – это стиль правления индивидуалистов, способных выжить самостоятельно (без чьей-либо опеки) и не желающих признавать над собой сильную власть.

Исторически менталитет оседлого земледельца (крестьянина) противоположен менталитету моряка и колониста. У одних под ногами шаткая палуба, у других твердая почва.

Моряк (колонист) стремится к перемене мест, крестьянин привязан к земле; моряк отчаянно смел, крестьянин нетороплив и осторожен; моряк (как правило,

человек без рода-племени) рассчитывает на себя, крестьянин на свою семью, общину; моряк ищет новое, крестьянин держится за старое.

Поэтому континентальная, земледельческая Европа очень тяжело воспринимала демократию – через кровь, через революции, через войны и исчрпление миллионов (как в Германии).

В заключение скажу главное.

Основная проблема нашего отношения к Европе в том, что многие не понимают всю сложность этого организма. Мы не совсем понимаем, что Европа – это не идеальный и даже не близкий к идеальному проект. Более того, у многих создается видимость, что Европа если не в начале своего пути, то где-то в зените... На самом деле Европа – в закате.

Чем дальше, тем острее становятся беды Европы. Системные, фундаментальные проблемы будут нарастать. Этим, мне кажется, должно определяться отношение Беларуси, белорусов к Европе.

Старушка-Европа превращается в музей. Музей надо почитать. В музее, видимо, есть какие-то полезные вещи, которые можно брать на вооружение в будущем. Но в музее нельзя жить!